

РОСТИСЛАВ
РЫБАКОВ

ИНДИЯ

33 НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

Мир глазами русских

Ростислав Рыбаков

Индия. 33 незабываемые встречи

«Алисторус»

2014

Рыбаков Р.

Индия. 33 незабываемые встречи / Р. Рыбаков — «Алисторус», 2014 — (Мир глазами русских)

Индия – страна «на слуху», многие люди там бывали, но мало кто почувствовал подлинное, нетуристическое своеобразие Индии. Ростислав Рыбаков – крупнейший специалист по Индии в России. И человек, который действительно любит эту страну. Он знает все об истории и современности Индии. В этой книге «Индия. 33 незабываемые встречи» описана Индия, заключающая в себе и жизнь людей, и чудеса, о которых европейцы слышали уже много веков подряд, и те ее особенности, которые можно узнать и почувствовать, действительно полюбив эту страну.

Содержание

От автора	5
I. Дели	6
Делийские зарисовки	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ростислав Рыбаков

Индия. 33 незабываемые встречи

«Когда в прошлом есть Индия – есть о чем думать во время бессонницы...»

А.П. Чехов

(из письма Максиму Горькому)

От автора

Дорогой друг!

Эта книга не описание тридцати трех конкретных эпизодов или знакомств; не ждите пронумерованных отчетов о командировках – встреча 1-я, встреча 17-я и т. д.

Это суммарный рассказ о тридцати трех приездах в Индию и попытках хоть чуть-чуть приблизиться к пониманию ее сути.

Попытках, растянувшихся на всю жизнь. Стремлений, ставших профессией.

Книга обращена ко всем тем, для кого слово Индия обладает притягательной силой.

Как призывал М.А. Булгаков в начале 19-й главы «Мастера и Маргариты», приступая к самой главной для себя теме – «За мной, мой читатель, и только за мной...».

I. Дели

С чего начинается Индия?

Чаще всего первое соприкосновение происходит у иностранца – с Дели.

Вспоминается один забавный эпизод. Со мной летел, причем впервые в Индию, тогда только начинавший свою деятельность рериховеда В.А. Росов; мы вышли из самолета, долго шли какими-то коридорами, где даже сквозь толстые стены ощущалась нечеловеческая жара, спускались по широкой лестнице – все в очередной раз было перестроено – и он неуверенно спросил, «а вы уверены, что мы правильно идем?». На всякий случай, чтобы успокоить его, я спросил кого-то из толкавшихся внизу индийцев и получил ответ, вогнавший Рогова в ступор: «Да, все верно, только Вы-то, профессор Рыбаков, разве не помните, куда надо идти?».

Я, конечно, понимал, что индиец, мне отвечавший, был либо из МИДа, либо из Посольства в Москве, но бедному Рогову на какой-то момент померещилось, что вся полуторамиллиардная Индия знает его спутника в лицо. Он, конечно, знал, что я тогда действительно часто бывал в Индии; правда, как правило, въезжал в нее через любимую мою Калькутту.

А самый первый мой приезд в Дели, вернее – в Индию, вернее – вообще за границу, состоялся за много лет до этого, точнее 12 декабря 1961 года.

«Мело, мело по всей земле, во все пределы...». Такси везло меня в недавно открывшийся аэропорт Шереметьево. Щётки не справлялись с мокрым снегом, видимость была почти нулевой, приближение к Индии казалось бесконечным.

Таким оно, в каком-то смысле, и оказалось.

От полета, как ни странно, внятный воспоминаний не сохранилось – кроме двух моментов, никогда в последующем уже не повторявшихся: где-то на полпути наш «белоснежный лайнер» вырвался из густых облаков и пошел низко над солнечной широкой землей, утыканной крохотными, отдельно стоящими деревцами необычной формы; я присмотрелся – кедры. И стало понятно, что под нами Ливан (еще не разрушенный, не разбомбленный, а блаженно счастливый и радостный. Почему, кстати, люди как будто специально уничтожают и заливают кровью самые красивые и умиротворяющие места своего расселения – Ливан, Абхазия, Югославия?). Этот лилипутский, невсамделишный Ливан почему-то тронул во мне какие-то романтические струны! Но он оказался только прелюдией к следующей встрече...

Второй момент был похожим и знаменательным – напомним, я впервые в жизни видел Индию. До посадки оставались считанные минуты. Внизу, удивляя глаз, привыкший к бескрайним колхозно-совхозным полям, мельтешили разноцветные квадратики земель, потом неслись безрадостные предместья – мы шли низко, и четкость была абсолютной – и вдруг... В иллюминаторе кувыркнулись и как-то боком проехали красноватые здания центра Дели, видные как на ладони, только совсем маленькие, но легко узнаваемые по фотографиям и кинохронике.

Именно эта узнаваемость, скажем, игрушечного, с ноготок, Раштрапати Бхавана (Президентского дворца) сразу свела на нет волнение перед неведомым, стремительно несущимся под колеса миром – я как бы возвращался домой.

На протяжении пятидесяти лет после никогда уже не выпадало мне ни ливанских кедров, ни центра Дели из окна садящегося самолета. Может, теперь летают другие, более совершенные самолеты?

Не по аналогии, а по контрасту вспоминается рассказ наших старших товарищей, индологов с коминтерновским прошлым, об их первом официальном визите в Индию в самом начале хрущевской оттепели. Прямых рейсов тогда не было, и путь занимал несколько суток – через всю Европу. Надо отдать им должное, рассказывая, они не щадили себя и свое время и со смехом живописали, как выйдя из самолета, столпились всей делегацией, в габардиновых длинных пальто, широченных брюках (причем женщин затолкали в середину, а сами мужественно

окружили их – как бы чего не вышло), и отказывались идти со всеми в аэровокзал, опасаясь каких-то провокаций.

Страшно даже представить, как тяжело им было добираться до Дели – с остановками и ночевками в Париже и тому подобных центрах антисоветских провокаций.

Еще удивительнее, что все это было меньше, чем за десять лет до моего приземления. Некоторые из членов той делегации живы и сегодня.

В тот раз у меня на Индию был всего один день – наутро я улетаю на год в Пакистан. При всей схожести обеих стран, всего за несколько лет до того составлявших одно целое, даже по замкнутому миру аэропорта ощущалось, что Индия гигант, а Пакистан – провинция, что уж говорить о развернувшейся мощи городского ландшафта, когда дребезжащее черно-желтое такси поволокло меня в невидимый город (через год, на обратном пути, я испытаю то же потрясение от ощущаемой даже в коробке аэропорта громадности и бесконечности Индии).

Почему «невидимый город»? Потому что тогда, как и сейчас, за бесконечно пыльным около аэропортовским строительством начинался собственно Дели – в котором не было ничего напоминающего город (тем более столичный) кроме асфальта и движения машин. Причем машины двигались непривычно, по-английски, по «неправильной» стороне улицы. Впрочем, об улицах можно начинать говорить только в самом центре города, а до этого текла роскошь парков, садов, одним словом, деревьев, скрывающих от глаз все, что называется архитектурой. Деревья, деревья, потом крутой разворот в необычном для меня направлении вокруг очередной огромной клумбы или подобия клумбы и снова густая зеленая растительность и только справа от вас несутся навстречу машины, как бы сбежавшие с автобарахолки (так было, сейчас все, намного иначе) и передвигающиеся насупротив всем законам механики, здравому смыслу и нашим правилам дорожного движения.

В гостиницу ко мне сразу набегали однокурсники, уже несколько месяцев пребывавшие в Дели на практике. И сразу же был получен ответ на вопрос – что делать вечером? Мы идем на свадьбу! То есть, конечно, пригласили их, а меня они притянули по дружбе.

«Мероприятие» началось поздно вечером. Пока мы добирались, видели множество иллюминированных зданий, извергающих громкую музыку – сезон свадеб в полном разгаре. Мне хорошо, меня ведут как на веревке и, наконец, находят еще одно такое здание с такой же иллюминацией и с такой же оглушительной музыкой. Мы кланяемся кому-то и скромно усаживаемся в уголке. Все бегают, таскают стулья, перекладывают какие-то коробки, приветствуют приходящих и не обращают на нас никакого внимания. Музыка грохочет, ароматические палочки пахнут, время идет и ничего, по сути, не происходит – оказывается, жених еще не приехал.

Раз жениха еще нет, понятно, что ужина тоже нет, и я начинаю сожалеть, что за целый день не поимел и маковой росинки, по-студенчески надеясь наверстать все за свадебным столом.

От яркости красок начинают болеть глаза. От улыбок сотням незнакомых гостей сводит лицо. От непрекращающейся ни на секунду музыки глоснешь, от быстрого разговорного диалекта вокруг (совсем не похожего на тот язык, которому нас учили несколько лет в МГУ) – глупеешь.

Шли часы, а ничего не менялось. Боря Калягин, в будущем звезда советской тележурналистики, а тогда такой же студент, пришел откуда-то из глубин шумящего дома и вид при этом имел весьма торжественный. «Нам оказана огромная честь, – провозгласил он, – сейчас мы пойдем внутрь и увидим невесту. Причем мы увидим ее раньше, чем жених!»

Жених все еще где-то ехал, а невесту он должен был впервые увидеть только во время самой церемонии.

Гордые оказанной нам честью (так преломился в этой милой семье популярный тогда лозунг «Хинди – руси бхан, бхан!»), мы гуськом пошли глазеть на невесту. И она, и ее подружки

были разрисованы до невозможности. Все улыбались – хотя должен сказать, что, несмотря на костюм и грим, невеста показалась нам дурнушкой. Бедный жених, он ее еще не видел, мелькнуло в голове.

На улице начался полный шабаш, люди плясали, прыгали, кого-то подкидывали, рвались петарды, музыка редела на весь город – и на белом коне (!) в белоснежном камзоле в высоком тюрбане, из черноты улицы возник долгожданный жених. Вокруг метались девушки, выкрикивающие положенные непристойные куплеты, кто-то аплодировал и вдруг из абсолютно темного неба как бы сами собой стали сыпаться лепестки роз – на импозантного жениха, на горделивого коня, на беснующихся вокруг, на нас, маленьких советских студентов, ощущавших себя членами огромной семьи – все стало розовым от этих нежных лепестков...

«Мело, мело по всей земле...» – вспомнилось вдруг, ведь это было сегодня, снежная предраассветная дорога в Шереметьево. Казалось, что прошли годы и так уютно чувствовали мы себя этой жаркой декабрьской ночью.

И снова пошли часы ожидания. Из гордости мы продолжали занимать свои стульчики, а люди куда-то перемещались, всасывались в какие-то залы и сладко и горько пахло специями, рисом и фруктами.

Я изнемог и надавил на Калягина. Он пришел испуганный. Оказывается наше пребывание считается такой честью для новобрачных, что нас кормить не будут, а будут просить нас прислуживать за свадебным столом и раздавать гостям блюда.

«Недостойные мы!» – возопил я, и Калягину, со свойственной ему уже тогда дипломатичностью, удалось убедить организаторов, что, мол, наши девушки из скромности не смогут выполнить столь важное задание. Организаторы задумались и приняли окончательное решение – нас посадят за праздничный стол, но, из уважения, не сейчас, а когда в самом конце сядут жених с невестой.

Где-то под утро мы сидели за роскошным столом – прямо передо мной была невеста; мне показалось, что у нее странная татуировка на губах. Две белые полосы. Ни одна этнографическая работа такого не описывала. Приглядевшись, я понял свою ошибку – это были два длинных верхних зуба, дотянувшиеся белыми полосками до нижней губы. Я отвернулся и решительно взял что-то с тарелки – и атомный взрыв потряс мое существо, горело все, пылало – и я схватил стакан холодной воды (невеста мило улыбалась двумя зубами) и осушил его залпом. «Некипяченая» – ехидно сказал голос Калягина.

Кстати, практический совет. Обожженный острой местной едой рот ни в коем случае нельзя пытаться успокоить водой, соком или пивом – только простоквашей. Запомните, наверняка пригодится. И сырую воду, конечно, пить нельзя.

Но тогда я этого не знал, как не знал еще почти ничего. Жизнь только начиналась – неожиданным праздником, на котором, непонятно как, мы не чувствовали себя чужими.

Надеюсь, эта пара счастлива и сегодня. И уже отпраздновала, наверно, золотую свадьбу – ведь разводы для Индии более чем не характерны.

Город с тех пор изменился, особенно в центре, где выросли булыжники офисов и стеклянные небоскребы отелей, но утро, то самое первое утро в Дели повторяется каждый раз, когда я просыпаюсь в этом городе – пронзительные гудки транспорта, розоватая дымка, запах невидимых костров, предощущение жары и маленькие зеленые попугаи, прилетающие к окну как воробьи. А главное – чувство беспричинной радости и молодости!

Обращаясь к приезжающим в Индию, где-то надо сказать несколько предварительных слов – и лучше всего сделать это сейчас, говоря о Дели, ведь, скорее всего читатель начнет мою книгу именно с этого города, с первого пункта своей программы.

Начну с цитаты из умного и наблюдательного путешественника. Повспоминав о любимом, он так начал свой рассказ:

«Прилетев рано утром в Дели, я сразу почувствовал: я в другом мире. Все меня ошеломило – и старые храмы, и дети, и деревья и луна. Особенно меня поразили люди: они иначе держались, чем в других странах, которые я знаю, иначе разговаривали, да и говорили они о другом... Удивить человека в моем возрасте нелегко. Добавлю, что я хорошо знаю Европу, побывал в Китае, в Северной и Южной Америке. Индия, однако, меня поразила, мне казалось, что я вижу мир внове» (Илья Эренбург).

До того как вы увидите города, горы и реки, вы встречаетесь с людьми – прямо в аэропорту. И вы неминуемо совершаете стандартную ошибку, впервые взглядываясь в Индию – вам кажется, что вас окружает хаос.

В этом хаосе для приезжего непонятно все, его грандиозность усугубляется яркой экзотичностью и, ощущаемой, но непостижимой глубиной. И еще тем, что этот космический хаос живет сам по себе, не обращая на вас никакого внимания, не впуская в себя и не приспособляясь к вашему пониманию и привнесенным представлениям о том, какой должна, по вашему, быть Индия. Она – иная, что бы вы там не придумали себе заранее.

Но на самом деле никакого хаоса нет (так и индуизм кажется издали совершенно неупорядоченным, а на самом деле являет собой поразительно сцементированную и конечную систему – об этом в другом месте). И для индийцев в обрушивающемся на путника столпотворении практически все и ясно, и понятно, и читается как знакомая с детства книга.

Об этом полезно знать и иностранцу. Как же видят друг друга эти миллионы мужчин, женщин и детей, обтекающие вас со всех сторон, едва вы вошли в делийский аэропорт имени Индиры Ганди?

А видят они совсем другое, не то, что многоликой толпой, безымянной и непонятной, лишает вас способности к различению. То, что для прибывшего – бесконечная неназываемая человеческая масса, для каждого из них (даже при отсутствии «вербальной коммуникации») – люди с легко читаемыми характеристиками (район рождения, религиозная принадлежность, язык, вкусовые пристрастия, каста, брачный статус, положение в обществе) – даже издали, проходя, не обмениваясь репликами.

Ну а минутная остановка, всего два-три слова – и информация резко увеличивается. Украшения, косметика, одежда, словоупотребление, манера речи и, конечно, имена – все это позволяет надежно поместить случайно встреченного в определенную этническую, религиозную, социальную нишу.

Толпа не безлика и не бесформенна, она несет на себе печать великого разнообразия Индии. Современный исследователь (Гитанджали Коланад) остроумно замечает, что «Уттар Прадеш также отличается от Тамилнаду, как Финляндия от Италии»; этому предпослана следующая географическая иллюстрация – если на карту Европы положить карту Индии, то она накроет территорию от Дании до Ливии и от Испании до России. Но, погружаясь в детали, вы можете утонуть в них, зато никогда уже не сможете воспринимать людской поток в Индии как не-читаемый хаос.

Один пример (из самых банальных) из таких деталей. Вы видите на улице – чаще всего за баранкой автомобиля – человека с бородой и в тюрбане. С большой долей вероятности вы можете сказать, что знаете, какую религию он исповедует. Он – сикх. Более того, пусть он только мелькнул в своем автомобиле, а вы уже знаете его фамилию. Он – мистер Сингх. Дело в том, что все синхи – Сингхи.

Так в хаосе автомобильного потока вы сумели идентифицировать одну его копию. Мимо вас проехал мистер Сингх, сикх по религии. Безымянное лицо обрело почти паспортную достоверность.

Увы, для окончательной идентификации этого мало. Надо рассмотреть внимательно тюрбан – какого он цвета, как завязан, возможно, за рулем был выходец из Раджастхана, да и с фамилией не так просто: все синхи Сингхи, но не все Сингхи синхи.

Но для индийцев, как правило, здесь нет загадок. И хотя в Индии при знакомстве очень любят задавать вопросы «о личном», но основная информация о собеседнике считывается сама собой.

А что касается приведенного примера, то в очередной раз повторяю – что бы ни сказать об Индии, все это можно и подтвердить и опровергнуть конкретными примерами.

И все же, снова и снова – Индия не хаос, а просто не всегда открывающийся нам в своей логике порядок; толпа в Индии (как, кстати, и танец, и скульптура) – увлекательная и вполне читаемая книга. Нам этой грамоте учиться, учиться и еще раз учиться, а индийцы впитывают ее с детства.

Конечно, можно колесить по Индии ничего не зная и ничего не понимая, но в этом случае вы рискуете вернуться домой не как Одиссей, «пространством и временем полной», а с мешаниной отрывочных и непонятных, даже пугающих картинок – зачем тогда надо было ездить в Индию?

Если вы усвоили, что перед вами не хаос и даже не калейдоскоп, а сложная, живущая по своим, тысячелетиями проверенным законам система, то вы сделали первый шаг к открытию Индии. Поездка будет тем удачнее, чем более искренне вы настроитесь на то, что приехали сюда учеником – уверяю вас, Индии есть чему научить путника.

Рассказ о Дели разумно начать с краткого исторического эссе. Не надо запоминать незнакомые имена, не надо погружаться в детали – пока во всяком случае; это придет позднее, как потребность. Вообще, даже если путешественник, готовясь к поездке, прочитает множество книг об Индии, все равно еще больше он сам захочет прочитать после возвращения Исторические значения о городе нужны для того, чтобы иметь хотя бы приблизительное представление о временных циклах, сменяющих друг друга в этом действительно вечном городе.

Строго говоря, перед нами одно место и множество возникавших, процветавших, уничтожавшихся и вновь воскресающих (с новым именем) городов на этом месте. Ссылаясь на индийские источники, нынешний посол России в Индии АМ. Каданин в своем очерке о Дели приводит любопытный список, своего рода родовое дерево нынешнего Дели:

1. Индрапрастха (Индрапат) – город времен легендарных братьев Пандавов (якобы XXX–XXV вв. до н. э.);

2. Лалкот – город царя Анангпола;

3. город Притхвираджа Чаухана;

4. столица Кутбуддина Айбека;

5. Килокхери – город времен Джалалуддина;

6. Сири – город Алауддина Хилджи;

7. Туглакабад – город-крепость Гийасуддина Туглака;

8. Джахан Панах – город Мухаммад Шах Туглака;

9. Адилабад – город Мухаммад-ибн-Туглака;

10. Фирузабад – город времен Фирузшаха;

11. Хизарабад – город сайидского правителя Хизр Шаха;

12. Мубаракабад – город сайидского правителя Мубарак Шаха;

13. Дин Панах – город времен императора Хумаюна;

14. Салимгарх;

15. Шахджаханабад – столица великих моголов;

16. Нью-Дели.

Повторяю, не надо все это запоминать, тем более что некоторые позиции в этом списке спорны, но за чередой непонятных и звучных названий попробуйте ощутить трепет перед древностью этого поселения, сам Каданин с юмором замечает – «приятно думать, что находишься в столь древнем городе...», который, опять же с юмором добавляет, «в самом деле, возможно, намного моложе». Отыскать следы этих городов на территории Дели затруднительно. Ничего

не осталось от Индрапрастха; Лалкот (IX в.) представлен лишь археологическими находками, но ничего, стоящего на поверхности, не сохранилось; Сири оставил потомкам стены XIV века; мощные стены Туглакабада дошли до нас, правда, заселенные вездесущими обезьянами. Немало сооружений Шахджаханабада радует глаз до сих пор – Красный форт, Джама Масджид, основной массив старого Дели, стены и ворота – все эти сооружения относятся к середине XVII века.

В истории города – жизни царей и вельмож, поэтов и палачей, в ней войны, пожары, грабежи, труд ремесленников, рождения и смерти, возведение зданий и бесчисленные уничтожения – и в этом, естественно, Дели отличается от других городов лишь продолжительностью непрерывной традиции.

Он много раз становился столицей и много раз терял это гордое звание. В 1911 году англичане перенесли столицу Британской Индии из Калькутты в Дели. За этим решением стояли соображения политические, очень уж беспокойно было в Калькутте, но общая атмосфера вокруг возвращения Дели державного статуса была грандиозно триумфальной. Империя, похоже, и сама верила, что достигла наивысшего могущества и устраивала свою новую столицу на века.

Для архитекторов настали райские времена. Поскольку старый город запутанных улочек решено было сохранить в неприкосновенности, все их таланты были брошены на освоение новых, еще пустых (или полупустых – деревеньки не в счет) пространств.

Архитекторов было двое – главных, я имею в виду – сэр Э. Лютен и Г. Бейкер, знаменитости того времени. Они не любили друг друга, а сэр Лютен вдобавок терпеть не мог Индию и особенно индийскую архитектуру.

Выбор места для Нью-Дели проходил как сцена из колониального фильма – сахибы осматривали возможные площадки со спины слона.

Сначала исторический слог отвез господ архитекторов на то место, где во время большого дарбара (красочного съезда всех британских чиновников и местной знати) 15 декабря 1911 года король Георг V самолично заложил первый камень новой столицы. Место это – в районе нынешнего университета – в силу разных причин было, однако, забраковано.

В конце концов было решено строить новый город на участке вокруг холмов Райсина. Камень Георга V пришлось выкорчевать и перетаскивать на окончательно выбранное место – вернее, конечно, перевозить на телеге, запряженной буйволом.

Борьба идей вокруг облика будущего первого города Жемчужины Британской Индии была нешуточной. Монарх жаждал чего-то в духе Великих Моголов, хотя и содрогался, когда ему указывали на уровень необходимых расходов. Вице-король стоял за «западную архитектуру с восточными мотивами». Интеллектуалы метрополии (Бернард Шоу, Томас Харди) отстаивали чисто индийский стиль и даже местного архитектора.

Однако назначенный Королевским обществом архитекторов (???) сэр Лютен, как уже говорилось, по свидетельству современников «еще до знакомства с могольской архитектурой обозвал ее ерундовой [piffle] и после знакомства мнения своего не изменил». В то же время и советчиками/заказчиками и исполнителями владело желание создать нечто, достойное величия Британской империи – ныне, и присно, и во веки веков!

Собственно этими же чувствами и стремлениями были проникнуты и сами решения о переносе столицы и строительства нового города (на старом месте – и это тоже важно) и, конечно, сам великий дарбар 1911 года.

До сих пор на книжных развалах на тротуарах Дели можно найти роскошные альбомы фотографий, выпущенные после дарбара – сейчас они производят инопланетное впечатление.

О, великое чудо фотографии! Как быстро мы перестали тебе удивляться!

Одно дело читать о средневековой пошлости и помпезности дарбара – и совсем другое, увидеть своими глазами, высунуться из нашего мира в тот давно растворившийся в вечности

день, стать свидетелем, без малого участником! Одно дело – знать о событии по документам – и совсем иное в деталях разглядывать сотни тысяч зрителей, разодетых раджей, построение войск, королевскую чету. А взглядеться в лица, подлинные лица, не сегодняшние, совсем иные!

И знать, что никого из этих людей, застывших в напряжении парада, уже давным-давно нет в живых – и не только их, но и всех, всех, всех, кто не попал в объектив, но жил тогда рядом с ними «на одной» планете! Никого...

Черно-белые, необычайно четкие фотографии, конечно, не передают всей немислимой красочности торжества. Это был не первый, так называемый, «британский дарбар», но, пожалуй, самый пышный. Присутствие короля и королевы многократно усиливали верноподданническую составляющую. Ряды раджей, махараджей, махарани, принцев и их свит наряду с парадными мундирами английских военных слепили глаза. Особую значимость происходящему придавали два акта политического характера – провозглашение Георга императором Индии и объявление о переносе столицы из Калькутты сюда, в Дели.

И решение о переносе, и сам характер празднества в глазах толпившихся зрителей (говорят, что их было около миллиона!) означали преемственность власти Британии от Империи Великих Моголов.

Традиции дарбаров шли именно отсюда и колониальная администрация максимально использовала их.

Средневековая пышность Востока дополнялась королевским великолепием Запада, малиновые шатры с золотыми балдахинами салютом артиллерийских орудий, разукрашенные с ног до головы слоны пурпурными мантиями, отороченными горностаем... Сто тысяч человек наблюдали торжественный выход царственной четы. Все правители княжеств, махараджи и махарани строго по протоколу приветствовали монарха и королеву Марию.

Впрочем, на этот раз были и ложки дегтя в бочке верноподданнического меда. Так, один махараджа позволил себе демонстративно вымыть руки водой из священного Ганга после рукопожатия с королевой. Георг V, надо сказать, повел себя как мужчина и чистолюй – махараджа вскоре лишился трона.

Уместно отметить, что это был последний дарбар британской верховной власти. Но с него, как уже говорилось, началась история Нью-Дели. И, естественно, главным событием стало возведение величественного правительственного комплекса.

Строительство закипело. И кипело, надо сказать, очень долго; учитывая особенности климата и отсутствие технического обеспечения, думаю, что это был ад.

Не знаю точно, принимали ли участие в тогдашнем процессе строительства женщины-рабочие; во всяком случае, в Индии строят именно так и сейчас – цепочка худых женщин в почти бесцветных дешевых сари несут на головах кирпичи, по 7, по 9, я видел и 11 (нечетное число всегда, т. к. кирпичи укладывают на макушке двумя ровными параллельными колоннами, а сверху кладут еще один – чтобы сдерживал обе колонны). Они идут медленно, но скоро, мягко ступая босыми некрасивыми ногами и, естественно, никак не придерживая кирпичные башни на голове. Изящество их совершенно непередаваемо – строго прямые, грациозные, они похожи на богинь... И нам ли возмущаться, что богини всю жизнь таскают на голове тяжеленные кирпичи?!

Строили, конечно, с помощью буйволов и слонов, техники ведь не было, все трудились с утра до ночи, долгий световой день на индийской жаре.

Рабочих было несколько десятков тысяч человек. И работали они, не останавливаясь, и без перекуров.

И длилось это строительство целую эпоху. Весь мир успел кардинально измениться за время этого домостроя. За время гигантской стройки в стране сменилось четыре вице-короля, так и не поселившихся в предназначенном для них дворце.

«Строили, строили и построили». На христианском календаре стоял уже 1931 год. Державный комплекс Капитолия вознесся на века (но – увы для англичан – не на века грядущего их владычества; до ухода из Индии им оставалось 16 лет, меньше, чем заняло возведение творение верноподданных зодчих).

Газетчики захлебывались, описывая величие и удобства дворца: торжественные залы, бесконечные лестницы, анфилады, богатейшее убранство. Запредельная роскошь и, конечно, удобнейшие личные покои хозяина дворца и Индии. С восторгом восхвалялось то, что было легче доступно для «джентльменов прессы» – сады, окружающие здание, фонтаны, дарившие прохладу, конюшни, помещения для слуг, бассейны и теннисные корты.

Махатма Ганди с осуждением говорил о непростительных тратах денег индийского народа; король Георг тоже кручинился по поводу непомерных затрат (только строительство дворца обошлось в 10 миллионов фунтов стерлингов! По тем временам сумма космическая) – редкий, если не единственный случай, когда Ганди и король имели схожее мнение – хотя по совсем несхожим причинам.

Многим, раззадоренным репортажами газет и величественным видом длинного и торжественного здания, хотелось бы заглянуть внутрь и увидеть все своими глазами – но власть есть власть и комплекс был практически неприступен.

У нас с вами, однако, есть возможность вернуться в прошлое и заглянуть даже в личные покои вице-короля; мало того, мы увидим их глазами чистыми и открытыми, глазами подростка. Нам покажет их 17-летняя милая девушка, дочь последнего вице-короля лорда Маунтбеттена, причем не веломина задним числом свою юность, а в тогда же написанных дневниках.

Странное неуютное впечатление производит этот дом согласно записанным изящным девичьим почерком впечатлениям. Памелла написала в первые же дни: «здание абсолютно огромное, возможно весьма впечатляющее для тех, кто приходит посмотреть и уйти, но это абсолютная головная боль для живущих в нем и создается впечатление, что единственной целью его постройки было сделать так, чтобы люди в нем терялись». Она говорит о длинных гулких пустых коридорах и бесконечных пустых (несмотря на 400 человек обслуживающего персонала – и это после резкого сокращения!) залов – я подтверждаю это по собственному опыту, так все выглядит и сегодня. Очаровательная деталь: «Приходится идти десять минут от спальни до столовой...», пишет Памелла и по-детски добавляет – «на велосипеде зачастую быстрее!».

Девушка просто раздавлена масштабами здания, причем говорит она исключительно о жилых помещениях; надо сказать, что, несмотря на юный возраст, она не была новичком в мире дворцов – все-таки эта особа королевской крови, родственница короля Георга, и родилась она не в хижинах старого Дели.

Так или иначе, здание начало функционировать и многие события произошли именно в нем. Многие события в стране отразились на составе приглашаемых.

1 апреля 1947 года Махатма Ганди совершил беспрецедентный шаг – он принял предложение нового вице-короля лорда Маунтбеттена и прибыл во дворец на завтрак Тысячи слуг и лакеев, увидя Махатму, пали ниц во дворе монументального здания Сохранилась фотография, сделанная во время этого чаепития Вице-король в белоснежном мундире и весело улыбающийся Ганди в простом дхоти, непринужденно положивший ногу на ногу. Если бы фотографии могли говорить... Дело в том, что Ганди, которому явно понравился молодой и красивый вице-король (в отличие от его предшественников!) и его семья, радушно предложил ему разделить принесенный им с собой «козий» завтрак; Маунтбеттен (правнук великой королевы Виктории) очень вежливо отклонил предложение; Ганди, еще более вежливо, повторил его. Кто мог устоять перед чарами Ганди? Бедный лорд сделал один глоток «Никогда в жизни не брал в рот такой гадости!» – признался он позднее.

От чайного стола отправились за стол переговоров. Решалась судьба империи, субконтинента и, в конечном счете, всего мира.

Очень уже старый Ганди ходил с трудом и на пути оперся о плечи Леди Маунтбеттен – как он обычно упирался на своим молоденьких племянниц («мои костыли» называл он их). Удачливый папарацци – слова этого, конечно, еще не было – щелкнул затвором фотоаппарата. Эта фотография стала одной из самых знаменитых в истории фотоискусства; она очень трогательна и естественна и так много говорит о личности Ганди, о его отношении к конкретным людям и даже о том моменте, когда она была сделана.

Фотография обошла всю мировую прессу. И снова взывала ничему еще не научившаяся Англия: как отвратительно видеть эту черную руку на белом плече!!

Справедливости ради должен сказать, что рука была не черная, а коричневая; что же касается плеча, то наверное оно было белым, но никому не видно спрятанное под скромненьким платьице вице-королевы.

Не могу удержаться – говоря о фотографиях тех дней, сделанных в делийском дворце, можно вспомнить еще одну, где королевская чета позирует с Мухаммадом Али Джинной, главным оппонентом Ганди и будущим главой Пакистана.

Обладая после многих лет проведенных в Англии рафинированными манерами, Джинна был уверен, что фотограф, формируя группу для съемки в центр поставит леди Маунтбеттен, а его и вице-короля – по бокам. Желая блеснуть остроумием, Джинна заготовил галантную фразу – «Роза среди двух шипов». Он повторял ее в уме и, когда раздался щелчок, громко произнес ее... к изумлению присутствующих! Он не заметил, что в центре группы фотограф поместил его, а не красавицу леди Маунтбеттен.

Так и смотрят они на нас и сегодня со старого черно-белого снимка... Роза среди двух шипов...

Шли последние дни Британского Раджа, последние дни, когда англичане принимали индийцев в этом дворце в качестве хозяев.

Вот уже много десятилетий импозантное здание известно во всем мире как Раштрапати Бхаван, дворец Президента.

Много лет спустя постаревший лорд Маунтбеттен приехал с дочерью Памеллой в независимую Индию; их любезно разместили в их бывшем дворце.

Повзрослев, Памелла Маунтбеттен не стала смотреть на это здание, служившее домом для нее и ее семьи, более добрыми глазами. В наши дни, уже старушка, она пишет «Позднее, в 1960-ые гг., я сопровождала своего отца во время его визита в Индию и мы остановились в том здании, что теперь стало Президентским дворцом. Когда мы пришли перед отъездом поблагодарить наших хозяев, внезапно появились король и королева Афганистана со свитой, чтобы тоже попрощаться с хозяевами. Они, оказывается, тоже жили в одном с нами доме целую неделю, но мы даже не подозревали об их присутствии».

Расставаясь с семейством Маунтбеттенов, последних британских жильцов этого комплекса, приведу одну маленькую, но очень «говорящую» деталь – дочь свою Памелла назвала небывалым для Англии именем – Индия Индия – внучка последнего вице-короля лорда Маунтбеттена...

Выстроенный, наконец, к 1931 году комплекс Капитолия не принес архитекторам предполагавшейся славы и окончательно разрушил их некогда существовавшую дружбу – они даже перестали разговаривать друг с другом. Причиной стал, среди прочего, определенный архитектурный провал первоначального замысла. Вот уж правда, было гладко на бумаге, да забыли про овраги – и осталось только возмущенно кивать друг на друга.

Предполагалось, что выстроенный комплекс, видный издали, по мере продвижения и приближения к нему людей и экипажей будет постепенно вырастать на глазах – символизируя, тем самым, возрастающее величие и мощь Британской Империи. На деле, в результате разных

манипуляций с рельефом, эффект получился обратный; как изящно отметил один английский автор «Дворец вице-короля исполняет акт исчезновения для каждого, направляющегося от дальнего конца Кингс-вей (в наши дни – Радж-патх – Р.Р.) к подножию холма Рейзина». И сам же добавляет с типичным британским умением посмеяться над самими собой – «это был отнюдь не тот символ, которого жаждали англичане в Индии того времени».

Архитекторы в конце концов перессорились настолько, что, участвуя вместе в заседаниях, занимали места в противоположных углах и только их помощники и секретари разносили между ними обсуждаемые документы.

На мой взгляд, сегодня это не бросается в глаза, а весь комплекс воспринимается не как вершина приближения к почти обожествляемой власти, а как часть грандиозного ансамбля широченной эспланады Радж-патха.

Радж-патх обычно пуст и всегда широк, он наполнен свежим воздухом и именно тут приходит осознание Индии как великой державы. В определенные дни в открытом пространстве устремляемого строго с востока на запад завораживающего проспекта проходят многотысячные государственные мероприятия, в частности, парады и демонстрации.

Здесь в 1948 году прошел многомиллионный траурный кортеж Махатмы Ганди; тело великого борца против насилия почему-то везли на артиллерийском лафете.

Радж-патх и перпендикулярный ему Джан-патх – две главные артерии Нью-Дели.

По Джан-патху ходят все приезжие и все живущие в Дели иностранцы. У приезжающих вид глуповато-восторженный; между ними снуют черные головки ребятишек, предлагающих немислимую бессмыслицу – замочки в виде металлических львов, или вообще не закрывающиеся, или запирающиеся намертво; пышные павлиньи метелки для??? на книгах и «хельгах»; миниатюрные шахматы.

На Джан-патхе индийская специфика торговли с рук доведена до абсурда. Помню, один раз, в самом начале улицы ко мне приклеился горбатый старичок-мусульманин. Он предложил мне «серебряный» перстень с каким-то желтовато-коричневым «камнем». Всего, сказал он, за 680 рупий. Кольцо мне было совершенно ненужно. Я сказал – нет! Старик заинтересовался – а какова твоя цена? Чтобы отказаться, я ответил со сталью в голосе – две рупии.

Не буду описывать последовавший спектакль. Райкин отдыхает. В конце Джан-патха старик сунул мне кольцо в руку и злобно плевнул мне под ноги – бери! Бери за две рупии!!

И вот тут я допустил колоссальную ошибку, за которую мне безумно стыдно вот уже много лет. Я рассмеялся и признался, что оно мне не нужно даже за две рупии.

Тем самым я нарушил священные правила купли-продажи; назвав свою (пусть смехотворную) цену, я вступил в определенные отношения и не имел никакого морального права отказываться от покупки, если продавец в своих уступках дошел до моей цены.

Торговаться в Индии можно и нужно, вас ни одна душа не поймет, если вы купите предложенную вещь без торговли, без пантомимы, без уходов и возвращений, хлопанья по рукам, яростных клятв и веселых улыбок – но поступить, как поступил я, бесчестно. Прости меня, хозяин недоставшегося мне, вернее отвергнутого мной бесценного перстня, прости...

На Джан-патхе, впрочем, все больше торговых точек, где веселый и занимательный обряд взаимных уступок сменился фиксированными ценами. Попробовать можно, но по реакции продавца легко понять, стоит ли напрягаться дальше.

К слову, опыт подсказывает мне, что тот перстень у старика на самом деле стоил около десяти, самое большое пятнадцати рупий.

Джан-патх улица широкая, под завязку набитая автомобилями, буйволами, моторикшами, в целом прямая и скучная. Скучная до того места, где начинается Тибетский Базар.

Название, когда-то возникшее благодаря беженцам из Тибета, давно утратило свой первоначальный смысл – торгуют здесь все. И всем. Если в поездке по Индии вы не добрали себе местных сувениров, идите в Дели на Тибетский Базар.

Он представляет собой квартал стоящих плечом к плечу узких лавок, описать которые можно и как скопище невыносимого ширпотреба, собранного со всей Индии, а можно и как сотню прижавшихся друг к другу пещер Алладина. Идти здесь надо медленно (иначе и не получится), рассматривая все сокровища и впитывая в себя запахи и звуки. Продавцы, как правило, не навязчивы, но предупредительны. Обычно они сидят у входа на резных маленьких деревянных стульчиках, пьют чай с молоком и философски рассматривают текущую мимо толпу – многолетних провинциалов, нечастых европейских девах в шортах, лиловых американских старух с открытыми ртами и ужасно смешных здоровенных стариков в техасских шляпах. А в лавках вас ждут не только мраморные инкрустированные таджмахальчики или танцующие Шивы любого размера – там можно набрести на прекрасные книжные магазинчики, на изящную плетеную мебель, на поразительные коллекции восточных парфюмерных наборов.

На улице, у входа в заинтересовавшую вас лавку, вас будет терпеливо ждать приклеившийся по дороге худенький ребенок, которому хочется всучить вам настенные карты Индии – кстати, очень хорошего качества.

Хозяин предложит вам чай (обязательно с молоком!) или ледяную кока-колу. Узнав, или угадав, что вы из России, обязательно скажет что-то теплое о нашей стране.

За антиквариатом в наши дни сюда лучше не ходить, но удовольствия получите массу!

Но у Джан-патха есть еще и параллельная жизнь. За лавчонками Тибетского Базара и на другой стороне улицы расположены импозантные здания, из которых в жаркую и пахучую атмосферу Дели вырывается дистиллированный зимний воздух кондиционированного мира.

Если вы не Абрамович, идите туда не столько за покупками, сколько как в музей.

Это государственные магазины, предлагающие предметы искусства различных штатов Индии.

Честно говоря, цены там совсем не такие уж безумные, просто ассортимент зачастую предполагает, что у вас дома есть место, скажем, для огромного лакированного Ганеши – высотой более двух метров; или для резной ширмы, невероятной красоты и изыска, но неудобной везде, кроме специального построенного для нее дворца.

Нечего и говорить, что в этих прохладных многоэтажных помещениях, сама мысль о том, чтобы поторговаться, абсолютно неуместна.

В конце Джан-патха, с правой его стороны, расположен торговый район с сотнями магазинов. Сейчас его придавили новейшие небоскребы, а раньше он в какой-то степени был символом Нью-Дели. Это так называемый Конкот-плейз, образец колониальной архитектуры. В плане это концентрические круги белых колоннад, один в другом, и одному Богу известно, сколько здесь магазинов. Все лучшие фирмы Индии и мира представлены здесь, не говоря уж о банках, ресторанах, авиакомпаниях и, что особенно приятно в постоянную жару, кафе-мороженых.

Бродить здесь одно удовольствие: если даже вы доходите до головокружения, можно не бояться сбиться с пути – идя по кругу, вы обязательно вернетесь в исходную точку.

Здесь же был когда-то мой любимый книжный магазин; с ним связано особое воспоминание. Однажды я купил там прекрасное 4-х томное энциклопедическое издание по иконографии индуизма. В Москве уже обнаружилось, что в пачке два третьих тома и ни одного четвертого. Спустя год, наведавшись в этот оксфордский книжный магазин, я попросил заменить лишний том недостающим, но – увы – издание было раритетным и мне помочь не смогли. Но это же Индия! Еще через года полтора, я снова зашел в знакомый??? магазин, волшебным образом пахнущий старыми фолиантами; меня узнали и неожиданно очень обрадовались. Из заполненных книгами глубин торжественно вынесли стопку книг – оказывается, они где-то заказали полное четырехтомное издание и теперь с искренней радостью вручили его мне – при этом наотрез отказались брать за него деньги.

В другом магазине хозяин почему-то вспыхнул ко мне теплыми чувствами и, узнав, что в Москве у меня есть дочь (незамужняя и даже несовершеннолетняя на тот момент), стал усиленно свататься. «Ты же ее не знаешь!» – пытался я его урезонить, но он настаивал – «я хочу такого тестя!».

«А что у него за магазин?» – деловито осведомлялась дочь, когда я рассказал ей о неожиданном претенденте на ее руку и сердце...

Рядом с магазинами, прямо на тротуарах, сидят среди белых классических колонн сотни торгующих, перед ними напояз разложена всякая всячина, все, что только можно представить. В муссон они накрывают голову и плечи, и весь свой скарб зелеными полиэтиленовыми пленками, из-под которых тянут к прохожим худые коричневые руки.

А в витринах таинственно переливаются сказочные колье и браслеты.

Ходьба по кругу в конце концов снова приводит нас Джанпатху и к поросшему зеленой травой пустырю внушительных размеров. Под этим пустырем, невидимый с улицы, живет огромный торговый город.

Расположенный под землей, он неожиданно прохладен – это едва ли не единственная его приятная черта. Здесь тоже все ходит по кругу, но происходит это при слабом свете и жутких толпах торгующих. Гремит музыка, все толкаются, идут беспорядочно и в страшной тесноте. Думаю, что это рай для карманников.

Бывают здесь и более серьезные события. Однажды, устав от бесцельного кружения и толкания, я зашел там же, внизу, в узкое кафе, отделенное от текущей мимо толпы простой циновкой. Народу было немного; я сел у входа, спиной к барной стойке и остальным посетителям.

Внезапно циновка дернулась в сторону и в узкое помещение цепочкой вошли несколько человек – высокие, стройные, молодые, все в черном и в высоких тюрбанах. Сикхи, подумал я, отметив у всех иссиня-черные бороды. Они легко и быстро прошли внутрь, к стойке, не обращая внимания на сидящих. Шедший впереди сразу же подошел к моему столику и, опершись на него руками и пристально глядя мне в глаза, сказал на безупречном английском «Ни о чем не беспокойтесь. Мы пришли сюда преподавать урок кое-кому, не двигайтесь и все будет хорошо». Я оглянулся и заметил, что лица всех сидящих за столиками стали смертельно белыми; бедолага-хозяин, окровавленный, сползал на пол у стойки.

Я стал приподниматься, не зная, впрочем, что собираюсь делать. «Не надо! – гораздо холоднее сказал мой «собеседник», – это не ваша страна, сэр, и вам не следует вмешиваться».

Они исчезли также легко и бесшумно, отбросив грязную циновку, и растворились в ничего не заметившей текущей мимо многоликой толпе.

Это было время Пенджабского кризиса и совсем мало времени оставалось до того дня, когда охранники-сикхи в упор расстреляют Индиру Ганди.

С сикхами у меня связано еще одно воспоминание – совсем иного рода.

Дело происходило тоже в торговом комплексе, но на другом конце города. Я пришел туда с приятелем, ему что-то было нужно и он пошел в какой-то магазин, а я (совсем не любитель ходить по магазинам) стоял, его поджидал.

Через минуту ко мне приблизился узко-высокий сикх (борода-усы-тюрбан, как обычно) и очень вежливо пригласил заглянуть в его лавку кожаной одежды. Я отказался, он понимающе закивал, потом застенчиво спросил:

– Вы не из России?

И тут же попросил о помощи: его брат получил письмо из России, но на русском языке и они с братом хотели бы узнать, о чем оно? Не буду ли я настолько любезен, чтобы помочь им хотя бы понять смысл письма?

Тронутый, я пошел за ним, кто-то побежал за братом, тот за письмом, а «мой» сикх ненавязчиво предложил посмотреть, чисто из любопытства, какие у него в продаже кожаные куртки.

Я был тверд – у Вас же нет курток моего размера, Вы же не торгуете куртками для слонов?

Сикх вежливо посмеялся, показав, что он оценил мой тонкий юмор, и заверил, что и для «слона» (он опять улыбнулся) у него кое-что есть.

Куртка и вправду сидела как влитая! Нечего и говорить, что я купил ее – кстати совсем недорого – и, так и не дождавшись брата с письмом, пошел навстречу приятелю.

Когда мы шли обратно, к выходу, он указал на «моего» сикха, стоявшего у двери в лавку, и сказал:

– «Вы не поверите, здесь мне однажды всучили что-то, давно, лет шесть назад, помогите, говорят, нам пришло письмо из России, помогите перевести – и я попался».

Сикх издала показал мне большой палец; после рассказа приятеля я не мог удержаться и ответил ему тем же.

В ответ он учтиво поклонился, прижав руку к сердцу.

А куртку, кстати, я ноше до сих пор...

* * *

Понятно, что достопримечательности Дели отнюдь не исчерпываются торговыми комплексами. Упомяну лишь несколько мест, о которых подробнее можно узнать в путеводителях.

И прежде всего хочу еще раз напомнить, что в русском языке есть один город – Дели; так по сути и есть в действительности, огромный город, населенный более чем 13 миллионами человек. Но в английском есть Нью-Дели и Олд-Дели, новый и старый. Мы уже побывали сегодня в Нью-Дели, а вот многие монументы прошлого, естественно, придется смотреть в старом городе.

И едва ли не самое яркое впечатление оставит у нас опять же почти сплошь торговая, вернее, торгово-ремесленная часть, а именно Чанди Чоук. У названия двойной смысл, в нем отзвуки и серебра, и лунного света. (Вспоминается, как один, вряд ли знакомый вам, русский стихотворец соединял эти понятия в стихах о площади перед Большим театром:

Белеют девичьи колени
И в душном сквере у метро
Цветет безумие сирени
И лунно яблонь серебро...»)

Когда-то эта грязная чудовищная барахолка, как мы видим ее сегодня, была одной из главных аллей и высаженные на ней деревья отражались в воде ее каналов. И было это в середине XVII века и выражало вкусы любимой дочери Шах Джахана, воздвигшего в Агре Тадж Махал.

Сейчас это невообразимая катавасия, шумная и вонючая, между Красным фортам и великой мечетью – короткого прохода между железяками и гниющими фруктами вполне достаточно, чтобы отучить туриста гулять в будущем по таким местам. Все кричат, стучат, куют, блеют и повсюду царствуют виртуозные карманники. Что и у кого они умудряются стащить, неведомо.

Зато здесь есть типично индийское заведение, равного которому поискать – уникальный птичий госпиталь.

Понятно, что держат его джайны, последователи джайнизма, никогда не наносящие вреда никому живому. Именно к их учению восходит доктрина ахимсы, ненасилия, столь полюбившаяся Махатме Ганди.

Джайнов легко узнать по марлевой повязке на лице, они закрывают рот, чтобы ненароком не вдохнуть в себя что-то живое и не нанести тем вред мирозданию. Со стороны это несколько смешно, но джайны очень серьезны и последовательны. Они носят с собой веники и бережно расчищают путь перед собой, дабы не навредить мурашам и букашкам, они не возделывают землю, боясь потревожить земляных червей – но при этом они представляют собой самую активную и преуспевающую общину в индийском капитализме (как старообрядцы в дореволюционной России).

Птичий госпиталь предназначен для птиц-вегетарианцев, хищные, как остроумно замечает один путеводитель, лечатся амбулаторно. И добавляет – количество голубей в этом госпитале заставляет западного визитера вспомнить «Птицы», фильм ужасов Альфреда Хичкока.

Чанди Чоук соединяет два величественных архитектурных ансамбля – Красный Форт (Лал Кила) и Джами Масджид, Пятничную мечеть.

Красный форт – это застывшая в архитектуре история. На мой субъективный взгляд – слишком застывшая. Издали крепость смотрится красиво, но безжизненно, внутри это скорее парк для семейных прогулок с пересохшими арыками и декорациями зданий. Вечернее шоу «Звук и Свет» не добавляет жизненности – кто-то хрипит, кто-то кричит театральными головами, кто-то шлепает невидимыми босыми пятками, а вы корчитесь на пластиковом стульчике почти в крошечной темноте нещадно поедаемый миллионами комаров.

А между тем, это не новодел, это действительно исторический памятник и история у него богатая.

Вообще-то история Индии, вернее – история в Индии – это что-то далекое от привычных нам представлений, хотя, конечно, в стране существует историческая наука, причем весьма высокого уровня. Но в целом с обычными для нас мерками сюда лучше не соваться.

Отмечу несколько моментов.

Безумная, невообразимая длина практически непрерывного исторического процесса. Такие же люди, те же верования, не меняющиеся обычаи – представьте на секунду, что современный Египет был бы во всем прямым потомком Тутанхамонов и Рамзесов, а не примазывался бы к их древним царствам благодаря сувенирным торгашам.

Несмотря на блестящие работы археологов, прошлое Индии в значительной степени все еще скрыто в земле и неведомо нам; нас наверняка ждут совершенно сенсационные открытия – вплоть (весьма вероятно) до целых цивилизаций, пока еще скрытых в забвении. Уже раскопки одного только прошлого века дали миру несравненные цивилизации долины Инда, открытие которых изменило представление о прошлом всего человечества. А сколько еще предстоит вынести на свет?

И, наконец, ранняя история Индии сливается с мифологией настолько причудливо и неразрывно, что становятся возможными (в конце XX века!) многомиллионные народные движения, сотрясающие всю страну и ставящие под угрозу всю ее жизнь, спровоцированные тем «фактом», что иноверцы якобы без должного уважения отнеслись к месту рождения... Бога Рамы!!

Для среднего индийца Бог Рама куда более реальная фигура, чем властители Красного Форта.

Меня так и тянет пуститься здесь в пространные рассуждения о значении истории, о тектонических сдвигах и семейных воспоминаниях, о двусмысленности исторических документов и о многом-многом другом – но как-нибудь в другой раз.

Возвращаясь к Красному Форту, приведу забавную зарисовку, оставленную современниками относительно недавних событий.

15 августа 1947 года Индия наконец-то добилась независимости. Над Красным Фортom был поднят трехцветный флаг. Произошло это, как ни странно, в полночь; необычный час объясняется двумя чертами национального характера, деликатностью и суеверностью, а именно – новые лидеры страны пощадили чувства англичан и не стали торжественно заменять британский флаг на индийский, просто как всегда вечером спустили один, а уж потом в урочное время подняли уже другой, давая англичанам «спасти лицо». А суеверие проявилось в том, что торжественный момент был продиктован астрологами.

До сих пор ничто серьезное в жизни индийцев и Индии не совершается без детальных указаний астрологов.

Пока, как видите, ничего забавного нет, просто произошло событие, важнее которого в многовековой истории Лал Кила не найти.

А вот и комичная деталь. На церемонии, естественно, присутствовали несметные тысячи людей, в полночный час многие матери пришли с грудными детьми и стояли в жуткой тесноте, подняв спящих младенцев над головой. Флаг независимой Индии пополз вверх и, неожиданно для всех, грянул пушечный салют. Особенно неожиданным он оказался для грудничков – все они, как один, дружно описались от ужаса.

Несерьезно, конечно, это, но странным образом передается праздничная атмосфера, счастье победы, связь с будущим.

Странно думать, что сейчас этим карапузам каждому уже к 70-ти...

Знакомый нам уже Чанди Чоук упирается в великолепное раскидистое здание главной мечети. С архитектурной точки зрения она совершенна; в огромном дворе ощущается удивительный и мудрый покой, хотя повсюду сидят, лежат, а во время намаза вбегают сотни верующих в беленьких мусульманских шапочках. Мой спутник, индус, с недоверчивым ужасом таращился на них и тихо приговаривал: «Не могу поверить, что я все еще в Индии!»

Да, здесь нет священных коров и многоруких божеств, но это все та же великая Индия, просто другой ее лик – кстати, весьма распространенный, особенно в Северной Индии.

Под ногами ходят голуби; время от времени они дружно взмывают и небо над мечетью темнеет.

Вдали, на полпути до горизонта, краснеют мощные стены и причудливые башенки Лал Кила, а у самых его стен на зеленой траве разноцветными яркими заплатами сохнут красные, синие, розовые прямоугольники выстиранных сари.

Из Чанди Чоука дымно пахнет шашлыками.

Есть в Дели еще одно место, посмотреть которое вам будут советовать задолго до приезда в Индию. Это Башня Победы, знаменитый Кутуб Минар. Он, как Эйфелева башня, видная из самых неожиданных мест в Париже, то и дело возникает где-то вдали, но если знаменитая француженка хороша именно издали, а вблизи теряет свое очарование, Кутуб Минар с большого расстояния напоминает одиноко стоящую фабричную трубу и не пробуждает никакого интереса – но вблизи...

Даже не вблизи, а в упор, с расстояния в несколько десятков метров. Этот минарет производит неизгладимое впечатление.

Пятиэтажная, сужающаяся кверху башня (внизу из красного песчаника, выше из мрамора) плавно уходит ввысь на 70 с лишним метров; диаметр основания составляет 15 м у основания и 2,5 м на верхушке. Начато было ее возведение, если говорить в привычном нам летоисчислении, за полвека до Ледового побоища Александра Невского.

Вязь арабских букв, выпуклая на камне, производит чарующее впечатление – даже, если нам не дано понять ни слова. От красоты сооружения и от его высоты буквально захватывает дух!

Под ногами мечутся полосатые бурундуки, симпатично оживляющие торжественную помпезность огромного минарета.

Внимательный путник разглядит в близлежащих галереях индусские колонны – следы разрушенных мусульманами храмов.

Во дворе стоит одно из самых загадочных сооружений планеты, стоит давно, со времен, когда еще не было Кутуб Минара – железный, семиметровый столб. Основная загадка (а их немало!) – столб сделан из железа такой чистоты, какой человечество не может еще добиться и сегодня!

Раньше было принято гадать здесь на счастье – если человеку удавалось, прижавшись к столбу спиной, обнять его сзади руками, счастье ему было обеспечено. Сейчас администрация озаботилась сохранностью памятника, простоявшего около 2000 лет, и обнесла его каким-то штaketником.

Еще одно мусульманское сооружение Дели это мой личный выбор; я везу к нему всех знакомых и считаю, что, не увидев его, нельзя уезжать из Дели. Красота, выверенность, пропорциональность этого здания бесподобны. Я говорю о гробнице могольского императора Хумаюна.

Отвлечемся на несколько минут, не уходя, однако, от прекрасного здания.

О роли личности в истории кто только не писал! А надо бы также подумать о роли случая.

Бурное правление императора Хумаюна – с войнами, с обычными для того времени семейными злодеяниями, с изгнанием, чужбиной и возвращением на трон – закончилось в одночасье, когда, поскользнувшись на мраморных ступенях своей библиотеки, многострадальный правитель сломал себе шею – случай, благодаря которому на трон сел его 14-летний сын Акбар.

Акбар Великий – называют его историки, хотя поначалу всё шло как у всех, кого-то убивали, кого-то завоевывали. Малограмотный император, спортсмен-любитель, не умевший читать (по мнению недоброжелателей), казалось бы, не должен был остаться в памяти великой страны.

Но вернемся к вопросу о роли личности. Ибо венценосный тинэйджер был действительно незаурядной личностью. Не будем говорить о его завоеваниях, а отметим одно качество, о котором хотели бы умолчать те самые недоброжелатели – он умел и любил слушать. И у него была своя библиотека и манускрипты не лежали в ней втуне – их читали ему вслух и он, обладая прекрасной памятью, запоминал их и услышанное рождало в его душе вопросы, на которые он искал ответы не только в других рукописях (свыше 24000 «единиц хранения» в его личной библиотеке), но и в беседах с мудрецами.

С детства бывший под влиянием суфиев, постепенно он стал всё более критично воспринимать ислам и часто в его присутствии происходили горячие (подчас даже слишком горячие!) дискуссии по религиозным вопросам. Были при дворе и индусы, что вносило в атмосферу столичных диспутов своего рода межрелигиозный диалог. Были последователи зороастризма, были и джайны.

А потом подросли иезуиты, ведомые молодым и энергичным отцом Рудольфом Аквива.

Сотни умных и начитанных теологов из разных стран, исповедовавших разные религии, принадлежавших разным толкам и сектам, устремились в новую столицу Акбара Фатехпурси-кри, ко двору императора, обычно даровавшего им персональную аудиенцию.

Можно подумать, что все эти велеречивые и возвышенные диспуты в высочайшем присутствии были бесконечной и бессмысленной «говорильней», отвлекавшей государя от его царственных забот – ведь даже начиная очередной победоносный поход лично – по обычаю – во главе войск, Акбар уже через несколько дней передавал ведение боевых действий своим полководцам, а сам спешил вернуться в столицу к своим излюбленным диспутам.

Но это не было простым стремлением к знаниям. То, что происходило с Акбаром, может быть названо словами Л.Н. Толстого (сказанными, разумеется, в совершенно ином контексте) – «расширение души».

И это не было дистиллированным теоретизированием – услышанное и понятое он воплощал в реальную политику; он не только завоевал и объединил всю Северную Индию, он преобразовывал её. Меняясь сам, он изменял и страну, и эпоху.

Он вносил неслыханное доселе рыцарство в грубый и чудовищно жестокий, кровавый мир мусульманской знати. Он отменял налоги на индусские храмы и привлекал в массовом порядке индусов ко двору и управлению страной, он даже женился на индуске и впервые она сохранила свою веру, не перейдя в ислам. Он осторожно и деликатно пытался реформировать индуизм – запретив сожжение вдов на погребальном костре мужа, браки между детьми, принесение в жертву живых существ (тем не менее для Индии эти проблемы, к сожалению, сохраняют свою актуальность до середины XIX-го века). Но он руководствовался при этом не представлением о превосходстве ислама, а высшими принципами добра, справедливости и толерантности. Исходя из этих же принципов, он также реформаторски относился и к своей собственной религии и многое пересматривал в исламе.

Что интересно при этом, его взгляды и политика не вызывали отторжения в обществе и не стали яблоком раздора. Личность Акбара, его честное стремление к Истине обезоруживали его оппонентов.

Финал этой истории был грандиозным, хотя и предсказуемым.

Просвещенный государь устал от неподъемных попыток реформировать и индуизм, и ислам, и примирить их с христианством, не переходя при этом в заморскую веру. И тогда он сам изобрел новую религию.

Акбар Великий умер в Агре 13 октября 1605 года, не дожив одного дня до своего 63-летия. Новая религия не пережила своего создателя. Была она, естественно, эклектична и уже тем самым неприемлема для наследовавшего трон принца Селима (вошедшего в историю как император Джахангар), почти до конца правления Акбара воевавшего против отца, устраивавшего заговоры и хваставшего впоследствии, что тайно приказал (еще при жизни Акбара) умертвить лучшего его друга, якобы склонявшего правителя порвать с исламом.

Стоит ли удивляться, что официальные лица, присутствовавшие при кончине Акбара, оповестили страну и историю, что император он ушел из жизни правочерным мусульманином?

Возвращаясь к самому началу, хочу сказать, что в Дели над бранными останками Хумаюна во времена его сына Акбара тоже был выстроен величественный, необычайно красивый мавзолей, позднее повлиявший на воображение создателей Тадж-Махала. Пропорциональность его изумительна и, по-моему личному мнению, здание и ландшафт безупречны.

И кому и какое дело до того случая, с которого началась наша история (а, вернее, просто история), когда втихаря принимавший в тишине астрологической библиотеки наркотики, к которым он пристрастился в Афганистане (и тогда Афганистан!), император Хумаюн, нетвердо спускавшийся по мраморной лестнице, услышал призыв муэдзина к намазу и попытался стать на колени? Не устоял, упал и...

Из ничтожного, прости Господи, случая, выросла величественная судьба Акбара Великого. И оттуда же, славя величие жизни, любой жизни, вознеслось в Дели невообразимо прекрасное здание, которому стоять и стоять тысячелетия – что для Индии вполне возможное дело.

В наши дни к списку обязательных для уважающего себя туриста мест посещения в Дели добавился (и даже вышел на одно из первых мест в этом списке) Храм Лотоса, часто называемый Тадж Махалом XX века.

Странное инопланетное здание из огромных белых мраморных лепестков, как бы раскрывающихся навстречу делийскому мутному и жаркому небу, окруженное цветами, деревьями и арыками, поражает – издали своей безупречной декоративностью, вблизи – организованной пустотой интерьера и легчайшей внушительностью размеров.

Ни на что непохожее, оно вырастает как совершенный цветок, выдвинувшийся как будто без человеческого участия.

Это не церковь, не мечеть, хотя в длинной очереди, оставляющих у высокой лестницы свою обувь, легко отличить и индусов, и христиан, и сикхов, и даже мусульман. И внутри, в грандиозном светлом круглом зале со скамейками амфитеатром, вы услышите чтение и Корана, и Библии, и Бхагавадгиты, подряд, как единое целое послание Бога человечеству – и фантастическая акустика сделает вас со-участником красивого действия. Но Храм Лотоса открыт теми, кто говорит с нами от имени бахаизма.

Говоря о бахай, не могу не отвлечься, казалось бы, в сторону. Когда-то, давным-давно, мы с отцом поехали в мастерскую художника Павла Радимова, последнего Председателя Общества передвижников. Художник, пыльный, в бесформенной серой блузе, встретил нас радушно. Я смотрел на него с интересом – ведь Радимов был не только живописцем, но и весьма оригинальным поэтом, эпигоном Серебряного века, написавшим чудовищные стихи о церковной жизни... гекзаметром! Стыдно сказать, но самих стихов я сейчас не помню и как пример могу привести только отрывки из блестящей пародии А Архангельского:

Ныне, о муза, воспой иерея, отца Ипполита.
Пол знаменитый зело, первый в деревне сморкач.
Утром, восстав ото сна, попадью на перине покинув,
Выйдет сморкаться во двор.

Боюсь, что и тогда я знал эту пародию лучше, чем стихи самого Радимова.

Художник неторопливо ставил перед нами холсты, мы отобрали несколько, и правда прекрасных – проникновенные пейзажи грустного Подмосковья. Мы собрались уже уходить, когда отец заметил в углу что-то совсем иное. «Узнаешь?» – спросил он меня и подсказал – «Это же ашхабадская мечеть!».

И я вспомнил – крохотный осколочек, засевший в памяти трехлетнего мальчугана – мечеть в Ашхабаде, поздней осенью 1941 года. Южный город, козы, приходящие с голубеньких гор, т. е. годы эвакуации и над всем этим неосознанным тогда миром где-то вдали над маленькими домами гордое здание, непохожее ни на что – мечеть.

Я видел ее не раз, но всегда издали, за крышами, как видят отовсюду Эйфелеву башню в Париже.

После войны она снова всплыла в разговорах, причем приглушенных, тайных, ведь о землетрясении 1948 года говорить не полагалось, но знающие люди шептались, что Ашхабад разрушен до основания и уцелела только эта мечеть, да и ту пришлось снести в процессе восстановительных работ.

И вот она на узком полотне русского художника, видение из прошлого, из самого начала детской памяти.

Конечно, она присоединилась к пейзажам Подмосковья, но место в нашем доме, весьма русифицированном, как-то не нашла и затерялась где-то в отцовской библиотеке.

Прошли десятилетия, я жил уже отдельно и однажды отец сказал – ты востоковед, у тебя ей будет лучше – и вынес картину в тяжелой раме.

Я глянул – и обомлел! Да, это была та самая, давняя картина Радимова, но где до этого были наши глаза?! Откуда мы взяли что это мечеть? На картине во всей красе был выписан первый в мире Храм веры бахай, изображений которого не сохранилось!

И когда, спустя еще десятилетие, в Москву приехала фактически руководительница всех бахай мира, носившая, кстати, курьезный титул «Вдова Столпа Веры», я с радостью подарил небольшой кусочек холста пожилой, хотя и по-своему кокетливой даме. Она приняла картину как святыню, говорят, что теперь она в Хайфе, на севере Израиля, в храме на высокой горе,

за многие километры видимом с борта проходящих кораблей. И это наилучшее завершение страннической судьбы...

А у меня осталась на память визитка Вдовы Столпа Веры с изящным автошаржем, начер-
танным для меня ее сухой аристократической рукой.

Что касается Храма Лотоса, то, как представляется, он смог стать неотъемлемой частью архитектурного пейзажа Дели (его знают даже все моторикши и таксисты) именно потому, что он гениально воспроизводит форму распускающегося лотоса, столь дорогого всем индийцам, а не из-за упрощенного религиозного послания последователей веры бахай.

Впрочем, в мире это самая быстро растущая религия.

Есть в Дели еще один храм, непременно включаемый в программу пребывания туристов и, как правило, производящий на них, особенно на ковбоев из Техаса и товарищей из Крыжополя, совершенно неизгладимое впечатление. Это Храм Лакшми Нараяна, один из понастроенных по всей Индии крупнейшим промышленником Бирмой.

Яркий сам по себе, а под делийским солнцем и подавно, красно-желтый и вычурный, он стоит как расписная игрушка на вселенской ярмарке и, по мысли создателя, соединяет в себе разные толки индуизма.

Это вопиющий новодел, но если у вас нет вкуса... к настоящей индийской архитектуре или если фотолюбитель в вас преобладает над познавателем культуры, он имеет шанс вам понравится.

Промышленник Бирма, близкий к Махатме Ганди человек, особенно гордился тем, что двери этого храма едва ли не впервые в Индии были открыты для всех, в том числе и для париев индийского общества, неприкасаемых. «Не хотелось бы никого обижать», как??? говорят известные телеведущие, но у меня есть коротенький, мною же снятый, киносюжет, как храмовые вышибалы взашей вышвыривают неприкасаемого мужичка из радостно светящегося всеми красками храма Лакшми Нараяна.

Делийские зарисовки

1. О том, что в Индии, если очень повезет, можно увидеть йогов, силой духа преодолевающих земное тяготение и поднимающихся вертикально вверх над землей, говорят часто, и пишут многие. Это невероятное действо называется левитация. К сожалению, и говорят, и пишут об этом с чужих слов люди, ничего подобного своими глазами не видевшие.

Ученые отмечают эти рассказы и доказывают, что левитация невозможна в принципе.

Я видел левитацию три раза.

Все три раза это происходило в одном и том же месте, именно здесь, в Дели, на задворках Красного Форта.

Побродив среди старинных зданий Форта, посетители выходят на открытую площадку, с которой открывается вид на захламленную реку – вы обнаруживаете, что стоите на широченной вершине вертикально обрывающейся каменной крепостной стены. Внизу, у подножия гладкой стены мельтешатся какие-то люди. Криками и телодвижениями они привлекают вышедших на стену туристов, те долго стараются понять, чего от них хотят, потом жестом сеятеля бросают вниз десятирупиевые бумажки. Когда, по мнению тех, кто внизу, бумажек набирается достаточно (очень скромно, две-три банкноты всего!), начинается действо.

Особо скупые туристы смотрят его бесплатно.

Один из «йогов» внизу укладывается на землю, какое-то время лежит неподвижно, потом, под заунывное музыкальное сопровождение, медленно поднимается над землей и минуту-полторы висит горизонтально в воздухе, потом так же медленно опускается на землю. Музыка стихает, туристы, ахая, расходятся, а «йог» со товарищи начинают сызнова зазывать зрителей.

Если вы простодушно жаждете чуда – не читайте дальше!

На самом деле, перед нами хорошо отработанный лохотрон для доверчивых туристов. Конечно, десяти рупий за это зрелище не жалко, но никакой левитации в этом нет.

С самого начала мне не понравилось то, что «вознесение» совершалось из положения лежа, более приличествовало, на мой взгляд, взмывание йога, сидящего в позе лотоса, прямо вверх по вертикали. Но это в общем-то принципиальной роли не играло.

Важнее было другое. Для чистоты эксперимента пространство между поднимающимся телом и покидаемой им землей обязательно должно было бы просматриваться – пусть даже и с такого большого расстояния как смотровая площадка и группа «артистов».

И именно этого – не было.

Когда в самом начале исполнитель лег на спину на землю, его «ассистенты» подтащили огромную простыню с дыркой для головы; его накрыли простыней и он просунул лицо в заготовленную дырку. Начавшееся движение вверх привело к ниспаданию простыни по бокам до самой земли – общая картина напоминала подъем гроба спящей царевны; при этом ни на одну секунду заглянуть под простыню не было никакой возможности.

Повиснув вертикально, голова в дырке и угадываемое горизонтальное тело были по-прежнему со всех сторон обрамлены непрозрачными складками простыни, ниспадающей до низу и даже продолжающей лежать на земле своими краями.

Легко догадаться, что так называемый «левитатор» под покровом простыни просто встает во весь рост, сохраняя неподвижной голову в дырке и соответствующее выражение лица – впрочем, плохо различимое издали.

Не могу не отметить, что все три раза, когда я наблюдал этот трюк, «йог» никогда не поднимался в воздух выше собственного роста!

Знающие люди говорят, что под простыней у него есть набор специальных колышков, которые он в самом начале устанавливает (незаметно для зрителей) под все скрывающей простыней; на этих колышках он удерживает своё тело в лежащем, горизонтальном положении.

Возможно, и так Во всяком случае, какая-то возня под простыней до того как якобы тело стало «всплывать» вверх – была.

Все три раза левитация исполнялась одинаково. Были ли это одни и те же исполнители, сказать не могу.

Сейчас вы этого уже не увидите. Под стеной сушатся сотни белых дхоти и ярких сари, плоды труда мужчин-прачек, яростным битьем добивающихся ослепительной чистоты белья.

Что стало причиной исчезновения этого физкультурно-психологического аттракциона, не знаю; может, кризис кадров, а может появление новых видеокамер с мощными телеобъективами?

Вопрос о том, существует ли все же в реальной действительности не жульническая, а настоящая левитация, остается открытым. В Индии может быть всё.

2. В делийском отеле давали концерт – как всегда в Индии невероятно долгий, почти бесконечный, но удивительно увлекательный.

На сцене отплясывали десятка два фантастически красивых девушек-подростков (во Франции таких называют «мадемуазели нежного возраста»). Еще не женщины, но уже не дети. С сильно подведенными глазами, что делало их почти одинаковыми, нахмуренные, карминно-губые, высокие и гибкие. Они двигались абсолютно синхронно, непрерывно и совершенно не показывая усталости.

Зрелище было – глаз не оторвать!

«Какие грациозные девочки!» – не удержавшись, сказал я вслух.

Моя индийская подруга посмотрела на меня с состраданием: где ты увидел девочек? Здесь нет ни одной девочки. Это – ансамбль мальчиков!

И со сцены на меня пахнуло пряным облаком порочных усад могольского двора – судя по многим викторианским документам, не без молчаливого присутствия британских резидентов...

Били барабаны, стучали выкрашенные в красное молодые пятки, взвивались и ломались в изысканном рисунке гибкие обнаженные руки – до конца концерта было еще далеко...

3. Среди человеческих эмоций есть одна, на мой взгляд, особенно болезненная – это чувство возникает, когда вы знакомите кого-то с чем-то, бесконечно дорогим для вас, но опасаетесь, что это вызовет смех, издевку, неприятие; и ничего вы не сможете сделать, чтобы защитить своё дорогое от насмешек или просто равнодушия. Более того, вы начинаете бояться, что такое негативное отношение в чем-то даже оправданно.

Это и страх, и боль, и беззащитность одновременно.

Я поясню на одном примере, но для этого придется отвлечься и от Дели, и от Индии – впрочем, ненадолго.

С детства, можно сказать даже с младенчества я любил АН. Вертинского. Помню, едва ли не до войны, отец, лежа на полу, чертит (для заработка) исторические карты – потом и я, и мои сверстники учились по этим картам в школе, – и напевает:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.